

ТЕКСТУАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ В КОНЦЕПТИВИЗМЕ

А.Ю. ШЕЛКОВНИКОВ

Концептивизм как философское направление возник в кругу гуманитарных наук в 2003 г., когда вышел в свет «Проективный философский словарь: Новые термины и понятия»¹. Авторство термина «концептивизм» принадлежит М.Н. Эпштейну. Особенность этого словаря состоит в том, что он не описывает, а порождает новые термины и понятия. В этом состоит новое понимание проективности. Проективность здесь предстает не как планирование чего-то ожидаемого, а как креативное внедрение новых смыслов в толщу культуры. В этом, конечно, чувствуется некий авангардистский натиск, но на самом деле здесь наличествует утонченный арьергардизм, состоящий в мышлении себя как зародыша отдаленного будущего. Ощущение себя не впереди настоящего, а позади грядущего. Отсюда и слово «концепт», означающее не только содержание, понятие (или содержание понятия), но и «зачатие». В данном случае – зачатие новых смыслов.

Сама эта методология имеет лингво-виталистический характер (в со-противопоставлении с лингво-анализмом англосаксонской школы). Лингвовитализм – это соотнесение Ницше с Витгенштейном. Ницше одним из первых начал говорить о том, что философия есть свободное порождение концептов и игр ими. Так называемый лингвистический поворот философии XX в. обычно связывают с именами Витгенштейна и Хайдеггера. Если придерживаться привычных интерпретаций, лингвистический поворот следует отсчитывать от «Логико-философского трактата» Витгенштейна (1921). Но если посмотреть глубже, то это, конечно же, лекции Ф. де Соссюра, читанные в конце XIX в. Ф. де Соссюр включил понятие (концепт) в структуру знака, тем самым предопределив структурализм, постструктурализм и всю формальную эстетику XX в. Включение понятия в структуру знака (понятно, такая точка зрения разделяется далеко не всеми) – не столько лингвистический, и даже не столько семиотический, сколько очень сильный философский шаг – оригинальное решение восходящей к Античности проблемы универсалий.

Вообще надо сказать, что структурализм представляет собой гораздо более сильный вариант лингвистической философии, нежели англо-саксонская аналитическая философия, восходящая к Витгенштейну, или же онтологическая герменевтика Хайдеггера и Гадамера. Но если говорить о концептивизме М. Эпштейна, то в

лингвистической своей части он восходит все же в большей степени к позднему Витгенштейну, так как апеллирует в основном к анализу обыденного языка. Так, например, огромное внимание уделяется анализу данных частотных словарей. Считается, что частота употребления того или иного элемента языка играет существеннейшую роль в формировании языковой картины мира. Отсюда интереснейшее предположение М. Эпштейна о том, что важнейшими философемами являются служебные слова (в силу подавляющей частоты их употребления). Вся традиционная философская лексика имеет номинативный характер, но модальность мышления задается служебными словами и наиболее абстрактными грамматическими категориями.

М. Эпштейн соглашается с Витгенштейном и его последователями в том, что философия должна заниматься исследованием обыденного языка, а задача философа — помочь человеку сориентироваться в сложнейшем лабиринте языковых игр, из которых, собственно, и состоит жизнь. Но здесь философская задача ограничивается лингвистическим анализом, в то время как М. Эпштейн призывает к языковому синтезу. Философ должен соучаствовать в конструировании новых языковых игр, он должен неустанно порождать новые языковые концепты. Это вполне созвучно пониманию философии у Ж. Делёза и Ф. Гваттари². Эти авторы говорят, что задача философии состоит не только (и не столько) в том, чтобы осмыслять так называемые вечные философские проблемы и пытаться их решить, сколько в генерировании, конструировании новых проблем, концептов, моделей, возможных миров и т.п.

Поэтому М. Эпштейн соединяет философские потенции Витгенштейна и Ницше. От первого он берет философское внимание к языку и представление о жизни как о совокупности языковых игр, а от второго — виталистическую интенцию, состоящую в веселом, жизнеутверждающем языкотворчестве.

Непосредственными предшественниками концептивизма явились деконструктивизм и структурализм. Деконструктивизм связан со структурализмом неразрывно, ибо деконструктивизм реализовался в первую очередь как деконструкция структуралистских представлений. Как концептивизм связан с деконструктивизмом (имеется в виду весь комплекс постструктурализм — деконструктивизм — постмодернизм, охарактеризованный И.П. Ильиным³)? Концептивисты, такие, как М. Эпштейн⁴ и Г.Л. Тульчинский⁵, берут концепцию развития у русских формалистов, опираясь в первую очередь на категорию *остранения*. С этой точки зрения любое качественно новое явление в культуре есть остранение традиции. Так, перенося эти рассуждения на историю философии, можно сказать,

что критицизм Канта есть остранение всей допросветительской мировоззренческой традиции; опыт переоценки ценностей Ницше есть остранение всего классического философствования (в первую очередь преемственности Кант – Фихте – Шеллинг – Гегель); деконструкция Деррида – остранение феноменологической традиции, идущей от Гуссерля. Но за остранением (которое сближается с деконструкцией), с точки зрения концептивистов, идет фаза конструирования нового мировоззрения. Так, за кантовским критицизмом идет всеобъемлющая конструкция Гегеля, за ницшевским отрицанием всего человеческого идет принципиально новая феноменологическая система Гуссерля, за деконструкцией логоцентризма Деррида идет концептивизм. Деконструктивизм (от Деррида до Бодрийара) завершил собой период критического философствования (начатый Кантом), концептивизм же начинает новый этап некритического философствования – философии возможного. Если докантовская философия была направлена на познание действительности, а посткантовская – на познание как таковое (при этом на первый план выходит модальность необходимости, так как если действительность как таковая нам недоступна, мы должны сконструировать необходимую для нас действительность – отсюда все социальные преобразования Нового времени), постдерридеанская (начинающаяся с концептивизма) – на концептирование, зарождение новых смысловых полей, мифов, языков, культур, т.е. на увеличение возможностей (сознания, познания, бытия, языка...). Речь идет именно о самоценном умножении сущностей (кстати, творчество всегда есть умножение сущностей без всякой на то необходимости), противопоставленном всякому редуционизму.

В области художественного творчества прямым предшественником концептивизма оказывается кубофутуризм, особенно хлебниковский. Теории и практики заумного языка, самовитого слова, словотворчества и словоновшества, а также пафос жизнестроительства представляют собой реализацию концептивистского проекта задолго до возникновения самого концептивизма. Частично эти начинания были продолжены обэриутами. Что же нового предлагает современный концептивизм по сравнению с художественным и филологическим авангардом начала XX века?

Футуристы хотели создать принципиально новый остраненный поэтический язык, который, по идее, должен был вытеснить как традиционный литературный (имеется в виду язык классической литературы, включая модернизм), так и обыденный языки. Они также мечтали об очищении обыденного языка (словоновшество), которое заключалось в освобождении от каких бы то ни было штампов. К тому же они серьезно работали над созданием некоей

архетипической теории, своего рода азбуки смысла, которая должна была бы объяснять, исходя из архаических языковых инвариантов, любое слово, любое высказывание (их истинный смысл).

Концептивисты не пытаются создать радикально новый язык, хотя и предлагают множество неологизмов. Новые художественные, научные и обыденные дискурсы, по мысли концептивистов, должны рождаться, исходя из возможностей наличествующего языка. Мудрость философа или филолога состоит в осмыслении и проникновении в плоть языка, в котором мы существуем. Это — усмотрение новых формальных и смысловых возможностей в уже имеющемся. Никакое очищение языка, никакая стерилизация не предусматриваются. Здесь идет, наоборот, оберегание тела языка от каких-либо искусственных видоизменений. И, наконец, в концептивизме нет стремления к созданию единой непротиворечивой архетипической теории. Архетипическому противопоставляется кенотипическое (новотипическое). Не реконструкция старых типичностей, а генерация новых, создание новых универсалий. Таким образом, программа концептивистов — это своего рода семиургия, сотворение новых знаков, знаковых систем, а также форм знаковости. Здесь можно усмотреть две противоположные тенденции, которые на деле только дополняют друг друга. С одной стороны — творческое соучастие в жизни языка, который является средой твоего обитания, с другой — концептирование, зачатие новых смыслов, новых дискурсивных миров. Эта дополнительность двух разных интенций объясняется через категорию *овозможения*, которая предлагается М. Эпштейном. Овозможение со-противопоставлено остранению. Если остранение представляет собой как бы взгляд на вещи с точки зрения существа, не знающего языка, кода данной культуры, то овозможение одновременно предоставляет веер интерпретаций одного и того же события. Остранение представляет собой чрезвычайно сложное и в чем-то невыполнимое психологическое и эстетическое явление. Мы могли бы сказать, что, например, животное воспринимает человеческую деятельность остраненно. Но это не так. Остранение реализуется тогда, когда человек, погруженный в толщу культуры, хорошо ориентирующийся в ее языках и кодах, вдруг, под воздействием какого-либо сильного переживания или эстетического эффекта (приема, как сказали бы формалисты), начинает воспринимать нечто привычное как странное. Странное в том смысле, что из сознания реципиента как бы вытесняется прагматика наблюдаемой ситуации, забываются ее телеология и практическая направленность. Поэтому каждое действие, и все событие, ситуация в целом (текст, высказывание) воспринимаются как некие самодостаточные акты. Смысл этих действий непонятен,

неясно, для чего они совершаются, но осознается энигматичность происходящего (как компенсация вытесненности прагматического аспекта).

В реальной психической жизни такие феномены рассматривает психопатология, в художественном же творчестве происходит как бы мимесис, подражание, но не реальности, не окружающей среде, а тем возможным состояниям сознания, которые позволяют перейти от узнавания (семиотическая операция) предмета к его видению (не обусловленное семиозисом восприятие предмета, слова). Это, конечно же, — утопический проект русских формалистов и футуристов, но он был и остается тем аттрактором, который стимулирует появление все новых и новых текстов, эстетических событий и даже новых художественных систем.

Овозможение являет собой как бы творческое продолжение остранения. Допустим, остраненная точка зрения на что-либо достигнута. После этого и начинается порождение тех возможных миров, тех дискурсивных практик, тех кодов, с точки зрения которых можно было бы интерпретировать данное событие.

Таким образом, концептивисты смотрят на язык сквозь призму овозможения. Они принимают язык таким, каков он есть, но при этом создают новые возможности как интерпретации языка, так и порождения новых языковых моделей. А футуристы смотрели на язык сквозь призму остранения. Они, по сути, деконструировали обыденный и литературный языки и конструировали некий заумный, трансцендентный (причем не возможный, а единственно верный, который на практике оказался невозможным) обыденному восприятию метаязык.

Итак, методологические возможности концептивизма напрямую связаны с модальностью возможного, что на практике означает овозможение уже имеющихся методологий (т.е. открытие новых возможностей устоявшихся методологий, в том числе и их синтез, и их иногда плодотворная эклектика) и порождение новых концептов, не ограниченных жестко никакой определенной методологией⁶.

В июне 2009 г. в Москве на базе психологического факультета МГУ и Института философии РАН был проведен круглый стол «Личность как автопроект». В центре внимания и обсуждения были доклады М.Н. Эпштейна «Личный код. Индивиды и универсалии в гуманитарных науках» и Г.Л. Тульчинского «Личность как автопроект и бренд: некоторые следствия». Не буду сейчас останавливаться на глубоком, интересном и, безусловно, новаторском содержании докладов, реакциях оппонентов и единомышленников, остановлюсь лишь на одном аспекте заявленной проблематики. Личность в данном направлении современной гуманитарной мысли понима-

ется как текст. В общем-то и Ю.М. Лотман говорил о личности как об индивидуальном наборе кодов. Но если структуралисты, обращаясь к личности, реконструируют инвариантные, архетипические ее основания, то у концептивистов личность — замысел, проект, семенной логос, находящийся в непрерывном и непрерывном становлении. Если личность — текст, то не как устойчивая структура, а как сущность, которая есть то, что она сама о себе замышляет, как она сама себя проецирует, потенцирует.

Полагаю, что круг идей, инициированный в современной гуманитаристике М.Н. Эпштейном, Г.Л. Тульчинским и их со-мысленниками обладает таким эвристическим и конструктивным потенциалом, который играет решающую роль в формировании постпостмодерной гуманитарной парадигмы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Проективный философский словарь: Новые термины и понятия. — СПб.: Алетейя, 2003.

² См.: Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с франц. и после-словие С.Н. Зенкина. — СПб.: Алетейя, 1998.

³ См.: Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. — М.: Интрада, 1996.

⁴ См.: Эпштейн М.Н. Философия возможного. — СПб.: Алетейя, 2001.

⁵ См.: Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспекти-вы свободы и рациональности. — СПб.: Алетейя, 2002.

⁶ См.: Гусев С.С. Смысл возможного: Коннотационная семантика. — СПб.: Алетейя, 2002; Карпунин В.А. Воля к бытию: Онтологический импульс. — СПб.: Алетейя, 2004; Перспективы метафизики: классическая и неклассическая мета-физика на рубеже веков. — СПб.: Алетейя, 2000; Романенко Ю.М. Бытие и есте-ство: Онтология и метафизика как типы философского знания. — СПб., 2003.

Аннотация

В статье дается общая характеристика нового философско-лингвистического направления — концептивизма. Особое внимание обращается на обновляющую, творческую функцию этого гуманитарного явления, не ограничивающуюся деконструкцией старых парадигм мышления.

Ключевые слова: концептивизм, концепт, парадигма, гуманитарность, философия, проект.

Summary

The article provides an overview of the new philosophical and linguistic lines — conceptivism. Particular attention is drawn to the updated, the creative function of the humanitarian phenomenon not limited to the deconstruction of the old paradigms of thinking.

Keywords: conceptivism, concept, paradigm, humanitarianism, philosophy, design.